

Херасков Михаил Матвеевич

Владимир возрожденный

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
М69

М69 **Михаил Матвеевич Х.**
Владимир возрожденный / Херасков Михаил Матвеевич – М.: Книга по Тре-
бованию, 2022. – 250 с.

ISBN 978-5-521-29092-5

ISBN 978-5-521-29092-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

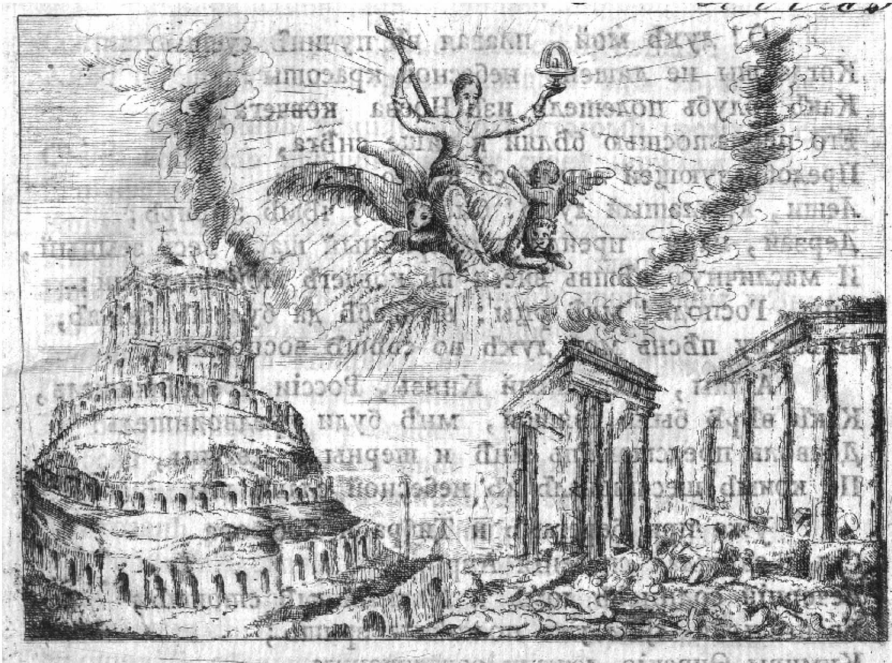
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВЛАДИМИРЪ ВОЗРОЖДЕННЫЙ,

ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

ПѢСНЬ I.

Вдохни небесное мнѣ, Муза! восхищенье
 Владимирово пѣшь святое просвѣщенье.
 Напрасно адъ ему препоны поставляй:
 Какъ солнце въ Сѣверѣ, Владимиръ возсіялъ,
 Россію озарилъ, преобразилъ, прославилъ,
 Кумировъ испровергъ и Богу храмъ поставилъ.

О! духъ мой, плавая въ пучинѣ суеты,
Когда ты не лишенъ небесной красоты:
Какъ голубь полетѣлъ изъ Ноева ковчега,
Его пернатостью бѣлая и чище снѣга,
Предобразующей земли съ водою миръ;
Лети, крылатый духъ! быстрой, чѣмъ зефиръ;
Дерзай, пари, преиди пространный шаръ весь земный,
И масличную вѣтвь внеси въ ковчегъ мой темный;
Вы, Господи! мнѣ рцы: въ небѣ да будетъ свѣтъ,
И важну пѣснь мой духъ во свѣтъ воспоетъ.

А ты, священный Князь, Россіи просвѣтитель,
Какъ вѣрѣ былъ святой, мнѣ буди предводитель!
Дозволь представитъ мнѣ и черны и цвѣты,
По коимъ шествовалъ къ небесной славѣ ты.

Уже при берегахъ и Тибра и Босфора
Сяла свѣтлая спасенія Аврора,
Вечерній солнцевъ домъ и Южный гдѣ стоить;
Евангельски лучи уже полсвѣта зрять;
Кумиры Фивскіе лежали сокрушенны,
И сѣнь пророческихъ гаданій лашенны;
Земные жилили небесный видѣлъ рай.
Единъ дремалъ во тмѣ, единъ полночный край;
На осбняющей горѣ струи Днепровы
Курился жершвы паръ, текли струи багровы.
Безъ пользы крестъ сѣлъ Андреѣмъ водруженъ,
Передъ кумирами нечислый огонь возженъ:
Жрецы подъ именемъ боговъ народомъ правящъ,
Глаголы ихъ Царя вселенныя безславящъ,
Воспламеняющъ ихъ гаданія войну,
Ихъ руки продающъ за злато мѣстину,
Изъ идольскихъ щедротъ изорну куплю дѣлящъ;
Корысти собственнѣй, не пользѣ душъ радбющъ.

Сокрыта истинна, сокрытъ небесный свѣтъ;
Ахъ! щастливъ ли народъ, святой гдѣ въры нѣтъ.

Владимиръ усыпленъ подъ шумомъ громкой славы,
Составилъ изъ цвѣтовъ вожди своей державы;
Его правленіе подобилось веснѣ,
Когда поля цвѣтутъ и рощи въ тишинѣ.
Ко благу подданныхъ его престолъ степени,
Порфира щипъ для нихъ, вѣнецъ прохладны тѣни;
Но славой окруживъ и пышностію проиъ,
Владимиръ подъ вѣнцемъ былъ падшій Соломонъ:
Поработилъ себя презрѣнному кумиру;
Не Богу вышнему, работалъ плѣвну міру.
Любови пламенной отравой услажденъ,
Блаженства жизни сей искалъ въ бесѣдѣ женъ.
Прикованъ роскоши къ блестящей колесницѣ,
Во узахъ слѣдовалъ развратной сей царицѣ;
И гордость, нашего блаженства первый врагъ,
При блескахъ таковыхъ влагала въ душу мракъ.
Владимиръ обольщенъ былъ міра суешюю,
Доколѣ върою не озаренъ святою.
Лежали сѣмена грѣха въ его крови;
Онъ въ лаврахъ шествовалъ подъ знаменемъ любви.
Не избѣжалъ сей мужъ отъ общаго намъ рока;
Ахъ! кто изъ смертныхъ есть во свѣтѣ безъ порока!
Въ нощи безбожія подобенъ бывъ лунѣ,
Какъ солнце наконецъ сіялъ въ своей странѣ.
Такъ мраченъ видъ горы является кремнистой,
Въ которой заключенъ металлъ отъ злата чистой,
Доколь художныхъ рукъ не прикоснется трудъ,
Не источается богатства скрытыхъ рудъ.
О ты, къ которому коснулся Богъ рукою,
И Россамъ благодать происпекла рѣкою;

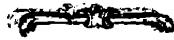

Отъ сей спасительной и чистыя струи
 Меня, о Мужъ святыи! при жадѣ напои!
 И будетъ пѣніе мое красно и стройно,
 Твоихъ великихъ дѣлъ, твоихъ похвалъ достойно.

Клонился къ вѣчности уже десятый вѣкъ,
 Какъ въ мірѣ возсіялъ и Богъ и человѣкъ;
 Сивиллы древнія оракулы молчали,
 Додонскіе лѣса жрецамъ не отвѣчали:
 Но Кіевъ, истинны взирая на лучи,
 Дремалъ безбожнаго невѣрія въ ночи.
 Какъ будто былъ еще Творецъ незнаемъ въ мірѣ,
 Являлся тамо Богъ въ безчувственномъ кумирѣ;
 То сонная была и мутная вода,
 Въ которой небеси не видно никогда;
 Сидонскимъ въ ярости Вааловымъ подобны
 Жрецы, какъ ихъ кумирѣ, толико были злобны.
 Для выгодъ собственныхъ служили алтарю;
 Для выгодъ алтаря покорствующѣ Царю;
 Всегда онѣ переходилъ въ его смѣшенномъ нравѣ,
 Отъ славы ко любви, а отъ любви ко славѣ;
 Онѣ лавры превращалъ во миртовы цвѣты;
 То громъ войны любилъ, то женски красоты.

Болгаровъ побѣдивъ, приумножаетъ новы
 Ко прежнему вѣнцу сей Князь вѣнцы лавровы.
 Сарматскихъ онѣ Князей въ то время усмирилъ,
 Кругомъ Дунайскихъ водъ народы покорилъ;
 Сверкаетъ молнія его кругомъ Босфора,
 Трепещетъ древній Тавръ Владимірова взора;
 Лепаетъ громкая на Западѣ молва;
 Какъ вѣтрѣ пареніе, какъ громъ ея слова:
 Молва звучащую трубу въ рукахъ имѣетъ,
 Вездѣ лепающа, и ложь и правду сѣетъ,

Даетъ

Даетъ дѣянѣмъ свѣтъ, дѣянѣя пакѣ тѣмѣмъ,
Иль вѣетъ какъ зефиръ, или какъ понтъ шумѣмъ;
Молва и малую во свѣтъ славу множитъ;
Но Княжѣмъ именемъ вселенную превожитъ;
Вѣщаетъ поржества безчисленныхъ побѣдъ.
Со трепетомъ ея глаголы внемлетъ свѣтъ;
Смѣшенно ложь она и истинну вѣщаетъ.
Гремящая молва Монарха восхищаетъ:
Онъ чаялъ миръ вкушать, собравъ съ Болгаровъ дань:
Но есть ли тамо миръ, гдѣ съ лебомъ въ царствѣ брань!

Перуну жертвы Царь въ отечествѣ приносилъ;
Но отъ него кумиръ иныя жертвы просилъ;
Устами пагубныхъ глаголетъ онъ жрецовъ:
Не хочетъ сѣрашній богъ ни агнцовъ, ни пельцовъ;
Ужасный храмъ его темнѣетъ и трепещетъ,
Громъ движется въ рукъ и молній пламень блещетъ.
Жрецы Перуновъ гнѣвъ изъ блѣдныхъ кажутъ лицъ,
Спремясь къ алтарю и упадающъ ницъ,
Вѣщаютъ наконецъ сіи слова ужасны:
Твои моленія и жертвы, Князь! напрасны;
Перунъ велѣлъ тебѣ привести, о храбрый Царь!
Двухъ скрытыхъ Христіянъ на жертву предъ алтарь.

Болѣзненно сіе Владимиру велѣнье;
Но ко богамъ еще велико ослѣпленье.
Не чаялъ сей цѣной побѣду онъ купить,
Вѣнцы лавровые слезами окропить;
Но долженъ волѣ былъ кумира покориться.
Печаль въ лицѣ его, въ очахъ крушенье зрится;
Велѣнія изъ успѣ произнесши не могъ,
И далъ рукою знакъ творить, что хочетъ Богъ.
Жрецы на Христіянъ свирѣпоспѣю разжены
Сулятъ Владимиру за жертву дни блаженны.

Тогда разсыпались вездѣ клевреты ихъ,
На жертву привлечи во храмъ мужей святыхъ.

Гдѣ слабые лучи Евангельски блиспали,
Въ пустынь близъ Днепра два мужа обипали;
Подъ сѣнію своихъ недвижущихся крылъ
Духъ Божій сихъ мужей до дня сего паилъ.
Блаженна въ тишинѣ, незлобива, правдива,
То сынъ былъ и отецъ, чета благочестива.
Въ преданіяхъ жрецовъ изобразивъ обманъ,
Устроили они во градѣ Христіянъ.
На сихъ опмщеніе язычниковъ кипѣло,
На жертву крови ихъ, какъ хищный вранъ, хотѣло,
И въ тайнѣ воинамъ велѣніе дають,
Да сихъ пустынниковъ на жертву привлекутъ.
Подвиглася толпа, люта, кичлива, злобна,
Подвиглася, рѣкѣ текущей съ горъ, подобна.

Надъ самой быстриной шумящаго Днепра
Возвысила чело высокая гора;
Зеленыхъ рядъ древесъ простерся по вершинѣ,
И примыкался онъ покапистой долиной.
Тамъ въ мягкой муравѣ испочники вились,
На тучной пажити спада овецъ паслись,
Поющи пщицы ламъ между древесъ лепали,
Въ убѣжищѣ такомъ Варяги обипали.
Отполѣ пламенны молитвы до небесъ
Всходили день и ночь со раствореньемъ слезъ.
Какъ тихая рѣка, ничѣмъ непрепкновенна,
Господней жизнь текла рукой пріосѣненна:
О коль близка была къ волненію она!
Всевышнему ихъ жизнь явилася нужна;
Наспалъ имъ часъ, насталъ плоское свергнуть бремя,
Спрададьчески вѣнды принявъ настало время.

Кле-

Клевреты жречески, носящи злость въ сердцахъ,
 Уже являющся на мягкихъ муравахъ.
 Все тамо нѣжипѣ нравъ, все душу унижаетъ;
 Но паче Благодать жилище украшаетъ.
 Когда приблизились злодѣи ко святымъ,
 Почтенъе нѣкое почувствовали къ нимъ:
 Но вдругъ предстала имъ недремлющая злоба,
 Какъ тѣнь дрожащая, возставшая изъ гроба;
 Нахмуренно чело у ней, туманенъ взглядъ,
 Дожнуло въ рапниковъ и оживило ядъ.
 Текутъ на верхъ горы, какъ вихри, пыль вѣючи,
 Въ сердцахъ свирѣпый гнѣвъ, въ калчанахъ смерть несущи;
 Какъ будто разорвавъ густую тучу громъ,
 Вломились къ праведнымъ враги въ священный домъ.
 Но Духомъ ли Святымъ незапно наученны,
 Иль воплемъ оиѣ молитвъ небесныхъ оплеченны,
 Выходитъ къ воинамъ почтенная чета.
 Сѣдины одного, другаго красота,
 Впорочно ихъ сердца на время умягчили,
 Впорочно боги ихъ ко злобѣ ополчили.
 Какъ древній дубъ зимой имѣющъ свѣжій видъ,
 Хотя колеблется и снѣгомъ весь покрывъ,
 Предсталъ опецъ и рекъ, украшенъ сѣдинами:
 Вы грѣшныхъ ищите? Се грѣшникъ передъ вами!
 Но вопль послѣдовадъ, ужасный вопль словамъ:
 Вы оба надобны въ закланіе богамъ!
 Въ селенъя горнія, для спарца ошворенны,
 Онъ очи обратилъ слезами орошенны,
 И рекъ: Ты царствуешь, мой Богъ! на небеси:
 Возьми меня шуда, но сына лишь спаси!
 Но юноша вскричалъ: Хочу умереть съ тобою!
 И воинамъ вѣщалъ какъ громкою шубою:

Кто хочетъ, въ жертву насъ невинныхъ Божьихъ чадъ?
 Вашъ богъ не движется, уста его молчатъ;
 Древа не чувствуютъ и камни не желаютъ.
 Слова сіи сердца и паче распаляютъ.
 Жрецамъ покорствуя! свирѣпствуя рекли,
 И узы наложивъ, ихъ къ жертвѣ повлекли.
 Невинность и въ цѣпяхъ величественной зрѣлась,
 А злоба мерзостью при торжествѣ одѣлась.
 Священная чета когда вступила въ храмъ,
 Молчаніе крылъ распростирало тамъ.
 Ихъ мыслей въ небеса святое погруженъ
 Раждало пайное къ невиннымъ уваженъ.
 Но прервалъ жрецъ Пламидъ молчаніе свое,
 И яростью кипящъ, невиннымъ рекъ сіе:
 О вы, враги боговъ! вамъ должно днесь рѣшиться:
 Умреть сей часъ, или кумирамъ поклониться!
 Умреть! вѣщающъ сынъ; — умреть! вскричалъ отецъ,
 Готовы мы принять страдальческій вѣнецъ!
 • Единого въ сердцахъ мы Бога ощущаемъ,
 За то приедемъ смерть; но васъ за смерть прощаемъ.

Вотъ гнѣвъ жрецъ вскричалъ: умреть изъ васъ одинъ,
 По жребію умреть сей часъ отецъ, или сынъ!
 Страхъ нѣкій на челахъ у всѣхъ изобразился;
 А праведниковъ ликъ сіяньемъ озарился.
 Иду на смерть, иду! родитель вопіетъ,
 Уже мнѣ жизнь тяжка, уже наскучилъ свѣтъ;
 Богъ счислилъ дни мои, не идолъ, не судьбина;
 Предупреждая отецъ во смерти долженъ сына.
 Лобзая юноша родителю грудь,
 Увы! вскричалъ,пусти меня на смертный путь!
 Не слѣдаль ничего я въ жизни сей святого,
 Да удостоюся вѣнца небесъ злагого.

Но

Но сей вѣнецъ твоей заслугой получу;
Ты жизнь мнѣ далъ, тебѣ я жизнью плачу.
Колико ни были язычники жестоки,
Такое преніе испоргло слезны поки.
Со каменнымъ своимъ лишь равны божествомъ,
Одни жрецы на то взирають съ торжествомъ,
И сына со отцемъ разпоргнувъ повѣли.
Но руки ихъ сплелись, сплелись и охладѣли;
Святыя не могли разлуки перенести.
Безсильно тамо зло, гдѣ святость въ духѣ есть!
Жрецы съ кинжалами спрададьцевъ окружають,
И въ бѣшенствѣ отца и сына поражають;
Единый кровью спалъ другаго омоченъ:
Такъ съ оспраслями дубъ съкирой посѣченъ,
Во вѣтвяхъ масличныхъ вершину углубляетъ,
И древо кажется едино составляетъ.
Ихъ души будто два источника слились,
Превыше облаковъ изъ храма поднялись.
Но кровь, которая лице земли кропила,
Та кровь невинная на небо воззопила.
Владимиръ ужасомъ, какъ громомъ пораженъ,
Густыя ночи тьмой казался окруженъ;
Печаль дрожащими въ его челѣ перстами
Напечатлѣла знакъ глубокими чертами,
Померкло Княжіе лице и свѣплый взглядъ,
Выходитъ пасмуренъ изъ храма въ верпоградъ:
Но въ слѣдъ за нимъ текутъ окровавленны пѣни.
Раскаянье Царя повергло на колѣни;
Раскаянье, поску могущее вдохнуть,
Покрыто ранами, рукой бьюще грудь;
Ланины токомъ слезъ имѣя орошенны,
Власы по раменамъ волнами распушенны,

Раскаянье къ Царю едва простерло взоръ ;
 Подобно какъ вода печетъ весною съ горъ ,
 Коль мерзлый горъ хребетъ распопица лучами ,
 Владимиръ залился горчайшими слезами .

Двѣ души праведныхъ , оставивъ тѣлеса ,
 На огненныхъ крилѣхъ летятъ на небеса ,
 Внимаютъ сладкую небесную музыку ,
 Уже являются безплотныхъ свѣтлу лику ;
 Уже предѣловъ тѣхъ касаются они ,
 Живыи питаютъ духъ гдѣ влажныи огни ,
 Гдѣ велѣніе божественнаго міра
 Соспавленна изъ звѣздъ небесна славитъ лира .
 Но псалмопѣсенный умолкъ священный хоръ ,
 Когда возвелъ съ небесъ на праведниковъ взоръ :
 Еще являются страдальцевъ кровныи токи ,
 И раны видимы у нихъ въ груди глубоки .
 Когда уныніемъ дозволено называть ,
 Какъ могутъ жипели небесны унывать ,
 Стенанье слышалось превыше звѣздъ сѣдящихъ ,
 Какъ томный гласъ моливъ , на небо восходящихъ ;
 Попоки излились росъ подобныхъ слезъ .

Безсмертна Муза ! пой уныніе небесъ !
 Живущихъ выше звѣздъ въ духовномъ чистомъ мірѣ
 Святыи жалобы гласи , гласи на лирѣ !
 Глаголамъ не земнымъ , о Муза ! подражай ;
 Святое хочешь пѣть , святое вображай .
 Моливы праведныхъ текутъ какъ искры къ Богу ,
 Ко затворенному возносятся черпогу ,
 Во славѣ гдѣ своей вещей Творецъ сокрытъ ;
 Ни Ангелъ никакой ихъ внушранны не зривъ .
 Поставленъ Божій храмъ твореній внѣ высоко ,
 Ошколѣ Божіе въ міры взираетъ око ,